

**Социально-культурные проявления в 1920-е годы на юге России:
взаимодействие русских и украинских праздничных крестьянских традиций
и советского праздника**

Сусанна Джамилевна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: bsd73@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты социально-культурной политики советского государства при формировании новой праздничной советской культуры в южно-российской крестьянской среде в период 1920-х гг. и взаимодействие полиэтнических культур.

УДК 94.47

Ключевые слова: советский праздник, советская власть, традиционная крестьянская религиозная культура, деревня, праздник урожая.

Рассмотрение аспектов социально-культурной деятельности советского государства при формировании новой советской праздничной культуры в крестьянской среде юга России в 1920-е годы позволяет проследить взаимодействие на Кубани русских, казачьих и украинских культур.

1920-е годы – это время столкновения двух культурных пластов: традиционной культуры сельского праздника и насаждаемой новой культуры советского праздника, только с еще складываемыми образами, культами, обрядами новой идеологии. Это период в советской истории, когда советская власть не перешла к открытой политике террора по отношению к старым институтам праздничной крестьянской традиционной культуры, лишь подготавливала почву к новым методам насаждения идеологии, использовала различные подходы к ведению работы с населением.

Юг России или бывшие южные районы Российской империи с начала присоединения и заселения развивались как полиэтнические территории с пересечением миграции русского, казачьего населения, идущего с украинских вольных областей, крестьян-украинцев и, конечно, «кацапов», русских крестьян с «малоросских» земель.

В таких условиях формировался самобытный, яркий, многоликий крестьянский мир с традиционными сельскими праздниками, имеющими, прежде всего, православные традиции. Советская власть противопоставила старой крестьянской традиционной праздничной культуре новый советский праздник, который не только противостоял локальности традиционных крестьянских торжеств, но и был интернационален.

Безусловным лидером среди таких торжественных мероприятий с аграрным уклоном в 1920-х гг. был «День урожая». Надо подчеркнуть, что праздник урожая не являлся оригинальным изобретением большевистских политтехнологов. Подобные торжества существовали у самых разных народов мира уже в глубокой древности и проводились обычно в конце лета или осенью, по окончании основного цикла сельскохозяйственных работ. Языческие празднества по случаю успешного завершения полевых работ практиковались и восточными славянами; причем важность этих ритуалов в жизни населения такой аграрной страны, как Россия, была настолько велика, что они сохранились и после принятия христианства, хотя уже под эгидой православной церкви. В частности, в досоветской российской деревне широкой известностью пользовались Дожинки и Осенины. Дожинки совпадали с церковным праздником Успения Богородицы (15 августа по юлианскому календарю и 28 августа – по григорианскому) и представляли собой совокупность ритуалов («дожиночный сноп», «завивание бороды»), магический смысл которых заключался в сохранении плодородия земли и обеспечении хорошего урожая на будущий год. Осенины, праздновавшиеся одновременно с Рождеством Богородицы 8(21) сентября, по заложенному в них деревенской традицией смыслу означали выражение крестьянской благодарности Матери-Сырой Земле, персонифицированной в образе Девы Марии, за хороший урожай и, значит, за спокойную и сытую жизнь в предстоящие осень и зиму.

Поскольку крестьянские торжественные ритуалы благодарения природы за ее щедрые дары имели чрезвычайно глубокие корни, уходящие в таинственный мрак языческих времен, большевистские пропагандисты просто не имели возможности создать праздник «Дня урожая» с чистого листа. Советский «День урожая» не являлся полностью чуждым крестьянской традиции уже хотя бы потому, что ему, как и досоветским аграрным ритуалам, был присущ дух спокойствия, умиротворенности и радостного восхищения богатыми дарами Матери-Земли. В помещенной в октябрьском (1926 г.) номере журнала «Новая деревня» статье отмечалось, что в нынешнем году праздник урожая «особенно радостен. Почти повсюду полны хлебом закрома, почти везде заготовлено необходимое количество кормов для скота, можно спокойно встретить зиму и ждать весны – начала нового трудового года» [1]. Эти слова превосходно отражали как исторически неизменные черты крестьянской ментальности, так и духовное родство «Дня урожая» и предшествовавших ему праздничных аналогов.

Вместе с тем было бы большой ошибкой объявлять «День урожая» копией с существовавших в дореволюционной России сельских праздников. Имея отчетливо выраженную преемственность с древними сельскими ритуалами, «День урожая» одновременно являл собой продукт советской эпохи и нес в себе, пусть и в несколько ослабленной форме, все родовые черты такого феномена, как революционный (точнее, большевистский) праздник, что мы и продемонстрируем далее.

Отправной точкой существования «Дня урожая» стал 1923 г. (как поэтически заметил автор статьи, опубликованной в журнале «Новая деревня» в октябре 1926 г., «четвертый год мы празднуем наш осенний праздник» [2]). Праздник возник по почину комсомола и при всей своей связи с традиционными крестьянскими осенними ритуалами изначально нес в сильнейший антирелигиозный заряд. Дело в том, что точной даты празднования «Дня урожая» не существовало, но чаще всего в качестве таковой указывалось 14 октября. Этот выбор был не случаен, поскольку на 14 октября приходился широко отмечавшийся в российской деревне праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в рамках которого проводились и языческие по своей сути народные торжества в связи с окончанием полевых работ.

Таким образом, отчасти (но, лишь отчасти) «День урожая» являлся наследником традиционных крестьянских аграрных ритуалов, что должно было облегчить его утверждение и распространение в советской доколхозной деревне. Важнейшей же задачей «Дня урожая» уже с момента его возникновения было неуклонное вытеснение церковного праздника Покрова из праздничной культуры российского крестьянства. По этому поводу в советской прессе недвусмысленно указывалось, что новый праздник урожая в доколхозной деревне «явился на смену старому празднику покрову» [3]. Как видим, «День урожая» с самого начала задумывался как одно из существенных мероприятий антирелигиозной программы большевиков.

Помимо антирелигиозной направленности, «День урожая» преследовал и выполнение политических задач, общих для коммунистических торжественных ритуалов. Праздник должен был содействовать «смычке» пролетариата и крестьянства, для чего в его рамках в деревню прибывали шефы и велась соответствующая агитация. Агитаторы и пропагандисты доказывали крестьянам, что «праздник урожая не только деревенский праздник – это и праздник города. Разве без помощи машин, которые город дает деревне, можно вести культурное хозяйство, разве агрономическую науку, без которой ни шагу нельзя сделать в улучшении хозяйства, не город дает деревне? Вот почему праздник урожая – праздник смычки города и деревни, и рабочие шефские общества должны принять в нем самое горячее участие» [4].

Политическая пропаганда и агитация в поддержку советской власти сопровождали празднование «Дня урожая» от начала до конца. Использовались все возможности для повышения эффективности пропагандистских мер. Например, в 1927 г. было решено совместить проведение «Дня урожая» с «празднованием десятилетия Октябрьской революции» [5], хотя для этого торжества по случаю успешного окончания полевых работ пришлось бы перенести чуть ли не на месяц – с 14 октября на 7 ноября. В конечном счете, большевики ожидали от «Дня урожая», что он станет одной из мер, которая позволит «еще более сплотить крестьянство вокруг коммунистической партии и советской власти» [6].

Все же при неизбежной политизации «День урожая» был намного ближе крестьянам, чем подавляющее большинство других советских праздников. Причиной такого отношения

стала изначальная ориентация этого торжества именно на интересы и предпочтения российских земледельцев. Данное обстоятельство проявлялось уже на стадии подготовки праздника. Согласно инструкциям, в состав комиссий, занимавшихся подготовкой празднования «Дня урожая», должны были входить агроном, представители волостного исполкома, районного земельного управления, комсомольской организации, «кооперации и прочих организаций, ведущих работу в деревне», а также и «передовые крестьяне» [7].

«День урожая», как и любой другой праздник в деревне в рассматриваемый период времени, никак не мог обойтись без различных митингов и конференций. Однако такого рода мероприятия играли в этом деревенском празднике довольно скромную роль по сравнению с другими способами хорошо провести время, которые были намного интереснее крестьянам. Поскольку во время празднования Покрова по традиции проводились ярмарки, представители власти требовали приурочивать их ко «Дню урожая», чтобы повысить его популярность среди сельского населения [8]. Во время праздника устраивались разного рода конкурсы (например, на лучшие продукты полеводства, огородничества, на лучших лошадей, быков и т.д.), организовывались агитсуды, то есть своеобразные театрализованные действия по осуждению устаревших способов ведения сельского хозяйства и обоснованию эффективности новых, рациональных приемов земледелия и животноводства [9].

Центральным же мероприятием «Дня урожая» становилась сельскохозяйственная выставка, где по традиции представляли «сельскохозяйственные достижения передовых крестьян данной округи» и устраивались конкурсы «на лучшую корову, лошадь, свинью, лучшее ведение хозяйства и прочее» [10]. Участниками выставок и конкурсов могли быть не только отдельные земледельцы, но и целые крестьянские общества, а также коллективные хозяйства. Победители получали от волостной выставочной комиссии премии (обычно это были либо определенные суммы денег, либо семена элитных сортов пшеницы и других культурных растений, либо чистопородный молодняк) и похвальные листы [11].

Выставки привлекали пристальное внимание крестьян, которые глаз не могли оторвать от образцов сельхозпродукции, полученной путем применения современных методов аграрного производства и заметно превосходившей результаты господствовавших в доколхозной деревне примитивных приемов хозяйствования. Полное одобрение выставки получали и со стороны партийно-советских работников, которые справедливо полагали, что «главная задача» праздника урожая заключается в том, чтобы «вовлечь широкие массы крестьянства в дело общего подъема сельского хозяйства, научить незнающих, подтолкнуть отстающих» [12]. Сельскохозяйственные выставки служили реализации этой задачи, пропагандируя в массе сельского населения достижения наиболее успешных колхозов и крестьян-передовиков.

Кроме того, устраивавшиеся в «День урожая» аграрные выставки должны были укреплять в сознании крестьянства непререкаемый тезис об успехах хозяйственного строительства в СССР, являвшихся результатом мудрого руководства коммунистической партии. Дабы усилить пропагандистский эффект выставок, в 1927 г., в связи с десятилетием Октября, было решено устроить своего рода сельскохозяйственные отчеты за весь период существования советской власти: «Если на прежних выставках подсчитывались хозяйственные и культурные достижения деревни за один истекший год, то теперь выставка должна осветить весь пройденный десятилетний путь» [13].

Поскольку аграрные выставки вызывали одобрение не только крестьян, но и представителей власти, их численность стабильно росла с каждым годом. Так, в целом по всему Советскому Союзу в 1924 г. в «День урожая» было устроено 750 таких выставок, в 1925 г. – более 1 тыс., в 1926 г. – уже около 2 тыс. [14]. Собственно, эта динамика свидетельствовала и об укреплении в деревне самого «Дня урожая», непременной частью которого являлись выставки достижений сельского хозяйства.

«Дни урожая» в 1920-х гг. отмечались и земледельцами Дона, Кубани, Ставрополья. Осенью 1924 г., несмотря на тяжелые последствия прокатившейся по Югу России засухи, представители партийных структур Дона планировали «провести в благополучных районах – мелко-районные выставки урожая» [15].

Жители Родионово-Несветаевской слободы (ныне центр одноименного района Ростовской области) так отчитывались о проведении праздника урожая в 1924 г.: «В ночь на 14-е октября была проведена беседа о праздновании дня «Урожай» и культурной работе в деревне, связанная с вопросом кооперации и поднятием сельского хозяйства. В избе-читальне была крестьянская молодежь, слушали внимательно и заявили, чтобы таких бесед

было побольше». Той же ночью в избе-читальне началось устройство выставки достижений местных хлеборобов, для чего передовые крестьяне предоставили плоды своих трудов. Кутру все приготовления удалось закончить; изба-читальня «была украшена картограммами по сельскому хозяйству (62 картограммы), [здесь же располагались] выставки из книг по сельскому хозяйству до 70 экземпляров, выставка урожая экспонатами до 40 штук» [16].

Чтобы привлечь крестьян к участию в новом для них празднике, представители местной администрации совместно с агрономом и работником избы-читальни утром выпустили специальный бюллетень, информировавший население о содержании «Дня урожая». Трудно сказать, насколько этот бюллетень оказался полезным, учитывая, что он был выпущен только утром 14 октября и вряд ли получил широкое распространение. Однако жители Родионово-Несветаевской слободы были заранее извещены о проведении праздника, поэтому первые посетители пришли в избы-читальню уже с утра, а к середине дня туда набилось до 200 крестьян, которые при содействии учителя и агронома знакомились с выставкой.

«К вечеру», с удовлетворением отмечали организаторы праздника, «изба-читальня была переполнена и пришлось перенести работу в Нардом [17], где было открыто торжественное заседание, на котором выступали представители партячейки, агроном, одна женщина-батрачка и крестьянин, 70-летний старик. После окончания крестьянами был пропет Интернационал». После завершения официальной части начались развлечения: «поставлена была агитпьеса», прошел «концерт с участием хора, революционная декламация, народные русские и украинские пенсии. В концерт втянуты были крестьянские силы, также участвовали и дети» [18].

Новый импульс празднование «Дня урожая» получило в донских, кубанских и ставропольских селах и станицах с 1925 г. в связи с проводившейся в данное время политикой «лицом к деревне». Можно сказать, что в этом году настроение у земледельцев Юга России, отмечавших «День урожая», было особенно праздничным: ведь правительство во всеуслышание заявляло о необходимости внимательного и уважительного отношения к крестьянству. Была причина повеселиться!

В 1925 г. жители станицы Ольгинской (Черкасский округ Северо-Кавказского края) в «День урожая» устроили обширную сельскохозяйственную выставку, выделив продукты полеводства, огородничества и животноводства в разные отделы экспозиции. В тот же день «был заслушан хлеборобами отчет о работах участкового агронома, о достижениях в области сельского хозяйства и результатах прошедшего с.-х. (сельскохозяйственного – *авт.*) года». Вечером был устроен бесплатный спектакль [19]. Сходный сценарий «Дня урожая» был осуществлен в том же году и в станице Бессергеновской (ныне Октябрьский район Ростовской области). Только, в отличие от Ольгинской, здесь организаторы праздника уделили более пристальное внимание официальной части, так как вечером «открылось торжественное заседание сельсовета, ячейки партии и комсомола, КОВА (крестьянский комитет общественной взаимопомощи – *авт.*) и присутствующих граждан» [20].

Остается рассмотреть вопрос о том, какое распространение получили советские праздники в доколхозной деревне СССР (в том числе в селах и станицах Юга России) и насколько были прочны их позиции на селе. Содержащиеся в источниках свидетельства об этом, как водится, разноречивы, но взвешенный анализ позволяет установить доминировавшие тенденции.

В документах партийных структур нередко содержатся сообщения о массовом участии сельского населения в праздновании тех или иных торжественных дат «красного календаря». Так, первый секретарь Терского окружка ВКП(б) И.Н. Крайнев утверждал, что во время проведения торжеств по поводу десятилетия Октябрьской революции «мы имели громаднейший подъем рабоче-крестьянского населения. Этот подъем выражался в небывалом стечении народа на наших демонстрациях» [21].

Безусловно, такого рода сообщениям можно доверять. Советские праздники с течением времени укреплялись в деревне как вследствие целенаправленных усилий большевиков по преобразованию крестьянской праздничной культуры и укреплению своей социальной базы на селе (численный рост просоветски настроенных земледельцев был прямо пропорционален расширению контингента участников торжеств), так и в результате привыкания сельского населения к новым ритуалам. В 1927 г. стремление сельских жителей стать участниками советских торжеств дополнительно подкреплялось слухами о

предстоящем нападении капиталистических держав (в первую очередь Великобритании) на Советский Союз. Участвуя в революционных праздниках, крестьяне демонстрировали доверие и поддержку советской власти и большевистскому режиму (хотя те же самые слухи спровоцировали и рост антисоветской активности и в городе, и в деревне).

Вместе с тем наблюдавшиеся в 1920-х гг. тенденции советизации праздничной культуры российской деревни вряд ли могли как-то удовлетворить лидеров компартии, не говоря уже о радикал-большевиках, мечтавших о прыжке в коммунизм. Даже к исходу 1920-х гг. партийно-советские работники в деревне, заведующие избами-читальнями, пропагандисты, агитаторы, журналисты вынуждены были говорить о степени признания крестьянами революционных праздников со сдержанным оптимизмом.

Тем самым даже к концу 1920-х гг. пропагандируемые большевиками торжественные ритуалы явно проигрывали по популярности привычным для крестьян церковным праздникам.

Колоритный пример весьма индифферентного отношения многих сельских жителей к советским праздникам был приведен на проходившем 25–30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края представителем партячейки села Александровка Азовского района Пастушенко. Он рассказывал, что ему и другим сельским коммунистам 7 ноября пришлось смириться с минимальным количеством участников торжеств, так как день празднования был выбран неудачно: «устроили демонстрацию небольшую, потому что не было мужиков, а не было их потому, что день Октябрьской революции был не в воскресенье, а в субботу, а в то время, хотя и позднее время, было много молотбы, поэтому многих мужиков не было, поэтому не было большой демонстрации» [22]. Итак, в рабочий день большинство крестьян не соизволили посетить празднование такой священной для большевиков даты, как 7 ноября; что уж говорить о других революционных праздниках!

На фоне политизированных праздничных мероприятий выделялся, как мы уже отмечали, «День урожая», относительно близкий традиционной сельской праздничной культуре, поскольку он был менее официозным и более непринужденным. «День урожая», как единодушно отмечали современники, проходил «с большим оживлением» [23], имел характер «большого народного торжества» [24] и «стал любимым крестьянским праздником» [25]. Однако в том виде, в каком он существовал в эпоху НЭПа, «День урожая» исчез вместе с этой исторической эпохой, будучи существенно преобразован «колхозным строительством».

Наиболее же важной причиной затрудненности советизации крестьянской праздничной культуры в 1920-х гг. нам представляется сохранение традиционного уклада жизни в доколхозной деревне. В условиях НЭПа, когда большевистские лидеры и идеологи не выработали общепризнанной (или хотя бы доминирующей) программы социалистической модернизации деревни, предпринимавшиеся ими попытки преобразований сельского жизнеустройства были разрозненны, отличались слабостью и непоследовательностью. Как бы ни стремились радикальные члены компартии к коренной и быстрой ломке веками складывавшихся устоев жизнедеятельности российского крестьянства, в 1920-х гг. у них не было сил и возможностей реализовать подобные задумки по причине отсутствия идейного единства в рядах ВКП(б), слабости партийного представительства в деревне и отсутствия должной социальной поддержки среди сельского населения.

Мероприятия по советизации традиционной крестьянской праздничной культуры представляли собой одно из направлений большевистской модернизации российской деревни, и по этой причине они были столь же половинчаты и недостаточно эффективны, как и модернизация в целом. Поэтому на всем протяжении 1920-х гг. официально одобренные советские праздники занимали отнюдь не самые широкие и прочные позиции в жизни крестьянства, заметно проигрывая в популярности церковным торжественным ритуалам (включавшим в себя еще и существенные элементы древних языческих верований). Ускоренная и безостановочная советизация сельского праздника началась только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в рамках сплошной насильственной коллективизации, результатом которой стало крушение крестьянской цивилизации в России и в том числе – в южных регионах нашей страны.

Примечания:

1. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.
2. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.
3. И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сент.
4. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.
5. И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.
6. К приближающемуся празднику урожая // Молодой ленинец. 1925. 29 сент.
7. И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сент.
8. Чернышев. «Праздник урожая» в настоящем году // Молодой ленинец. 1925. 29 сент.
9. В октябре – День урожая // Молодой ленинец. 1925. 22 сент.
10. И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сент.
11. В октябре – День урожая // Молодой ленинец. 1925. 22 сент.
12. А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.
13. И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.
14. И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.
15. Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. Ростов н/Д., 1924. С. 46.
16. Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 окт.
17. Нардомы (народные дома) – культурно-просветительские учреждения клубного типа в России, создававшиеся земствами, городскими думами, обществами грамотности или частными лицами с просветительскими целями с начала 1880-х гг. Обычно в типовом народном доме одновременно размещались библиотека вместе с читальней, театральнo-лекционный зал, воскресная школа, чайная и книготорговая лавка. Власти строго отслеживали комплектование библиотек и ограничивали театральнoй репертуар «благонамеренными» пьесами. Большевики широко использовали народные дома для ведения своей революционной пропаганды, организации массовых митингов местного населения. После октября 1917 г. народные дома постепенно преобразуются в клубные учреждения, но прежнее название в обиходе сохранялось довольно долго. Очевидно, в слободе Родионово-Несветаевской в свое время и был создан такой нардом.
18. Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 окт.
19. В.К. День урожая // Молот. 1925. 11 нояб.
20. ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 38.
21. ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 38.
22. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 55.
23. Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 окт.
24. И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сент.
25. И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 1.

Social and Cultural Displays in the South of Russia in 1920s: Interaction of Russian and Ukrainian Peasant Festive Traditions and Soviet Festival

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russia
 PhD (History), Assistant Professor
 E-mail: bsd73@mail.ru

Abstract. This article is focused on the aspects of Soviet social and cultural policy, concerning establishment of new Soviet festive culture in the environment of the southern Russia's peasantry in 1920s and interaction of polyethnic cultures.

Keyword: Soviet festival, Soviet power, traditional peasants' religious culture, village, harvest festival.

UDC 94.47